

Царство

Однажды к Иисусу подослали доносчиков, чтобы поймать его на слове. Они ему сказали: «Рабби, мы знаем, что ты говоришь и учишь откровенно, не сообразуясь с чьим бы то ни было мнением. Скажи, можно ли нам платить Цезарю подать или нет?» Иисус, угадав их умысел, ответил: Покажите денарий. Чье изображение и надпись на нем? Они ответили: «Цезаря». Тогда он сказал: Отдайте же Цезарю то, что причитается Цезарю, а Богу отдайте то, что причитается Богу (Лк 20:20–25).

И на этот раз Иисусу удается без обиняков высказать свое мнение и не попасться в ловушку. Нельзя служить двум хозяевам сразу... и Богу и маммоне. Деньги исходят от Цезаря и, следовательно, ему же должны возвращаться. Эти слова Иисуса отнюдь не выражают верноподданнической позиции по отношению к римской власти; они одновременно свидетельствуют о том, что Иисус не был сторонником антиримского сопротивления. Да это было и невозможно, поскольку противоречило его моральному учению. Общественная ситуация была ему достаточно хорошо известна; но суть — не в ней. Ведь если ты вовлечен в их игру, то поневоле будешь играть по их правилам. Спор с противником улаживай поскорей, ещё по дороге в суд\ иначе он передаст тебя судье, а судья — исполнителю, и тебя бросят в тюрьму. Истинно говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не вернёшь всё до последнего квадранта (Мф 5:25–26).

Трудно согласиться с теми, кто считает^[128], что Пилат имел все основания казнить Иисуса как политического мятежника или даже что Иисус был предводителем в освободительной борьбе евреев против Рима. Помимо процесса над Иисусом, в качестве основного аргумента в пользу этого мнения приводится тот факт, что Иисус возвещал о Царстве Небесном. «Небеса» — это эвфемизм, обозначающий «Бог». Существовало всеобщее убеждение, что, когда придет Царство Божье, Израиль освободится от римского ига. Тогда большинство евреев ненавидели оккупационный режим. А партия зелотов^[129] («ревностных») считала, что борьба с Римом отвечает божественной воле. Из-за зелотских террористических акций жизнь в стране стала небезопасной. Несомненно, что один из двенадцати апостолов некогда был зелотом^[130]. Ф Для зелотов единовластие Бога было элементарной аксиомой, а претензия на власть римского Цезаря находилась в вопиющем противоречии с этой аксиомой. Поэтому зелоты ожидали, что борьба против римских угнетателей ознаменует конец времен и станет началом эсхатологического освобождения Израиля^[131]. Возможно, что зелоты также употребляли термин «Царство Небесное», однако именно это словосочетание служило в то время своего рода антизелотским лозунгом. Поскольку существует также явное сходство между идеей Царства у Иисуса и у раввинов, можно предположить, что именно у последних Иисус заимствовал данное понятие и развил его. У ессеев эта идея вовсе отсутствует.

Господство Бога в иудаизме означает следующее: хотя единственный Бог Ве юре правит уже сейчас, только в будущем, в конце времей «Царство Божье над всеми живущими на земле»^[132] откроется Ве факто. Если сейчас Израиль находится под игом чужеземного владычества, то в конце концов только Бог будет царствовать в Сионе. Даже антизелотские круги питались этой надеждой, и ученики Иисуса также ее разделяли. Согласно рассказу, который приводится в Деяниях апостолов (1:6–8), ученики спрашивают Воскресшего: «Господи, не восстановишь ли ты теперь Царство в Израиле?» В Откровении Иоанна звучит ликование по поводу будущего падения Рима, однако «исторический Иисус» евангелий об этом не говорит ни слова. Не был ли друг бедных и гонимых сторонником Рима? Нетрудно понять, что, если бы даже Иисус и предсказывал падение Рима, евангелисты едва ли захотели бы об этом упоминать, чтобы не сделать фигуру основателя своей религии еще более сомнительной для властей.

Чужеземное владычество над Израилем — следствие его грехов. «Если дом Израиля будет нарушать Закон, то над ним будут господствовать народы, а если он будет исполнять Закон, то отступят от него горести, траур и печаль»^[133]. Или в других выражениях: «Если бы Израиль выполнял слова Закона, который дан ему, то ни один народ, ни одно царство не властвовали бы над ним. Ведь что говорит Закон? Возьмите на себя бремя Имени Моего и состязайтесь друг с другом в страхе перед Богом и делайте добро другим»^[134]. Поэтому уже сейчас отдельные люди могут стать, так сказать, гражданами Царства Небесного. «Кто берет на себя бремена Закона, — облегчаются ему несение царств земных и тяготы путей мира сего; но тот, кто облегчает себе бремена Закона, — усугубляются ему гнет царств земных и тяготы путей мира сего»^{[135][1]}.

Следовательно, Израиль должен лишь стремиться исполнять волю Бога, и тогда явится ему Царство Небесное.

«Если бы Израиль сказал у Тростникового моря: „Он — Царь вовеки“, то над ним бы не господствовал никакой народ и никакой язык, но он сказал (Исх 15:18): „Он будет Царем вовеки“»^[136]. Этот текст, по-видимому, направлен не только против футурологии апокалиптиков, но и против предпринимаемого зелотами штурма Небес. А когда зелоты, овладев ситуацией, подняли восстание, которое было жестоко подавлено Римом, один книжник сетовал на «начальников городов Иудеи, которые сложили с себя бремя Небес и взяли на себя бремя власти по плоти и крови»^[137]. Эти чувства разделял раббан Иоханан бен Закай^[138]. Однажды, когда после разрушения иерусалимского храма он увидел, как дочь Никодима, чтобы утолить голод, выбирала ячменные зерна из помета, оставленного лошадей араба, он заплакал и сказал: «Вы счастливы, о дети Израиля! Когда вы исполняете волю Бога, не властвует над вами ни один народ, ни один язык. Но когда вы не исполняете волю Бога, то предаетесь в руки народа неименитого»^[139].

Согласно раввинистической литературе, иго чужеземного господства будет снято с Израиля, когда придет Царство Небесное. Апокалиптики^[140] считали также, что тогда Сатана со злыми духами потеряет власть. Так же думал и Иисус. Кроме того, как уже говорилось, Иисус разделял представления раввинов о Царстве Небесном. По понятиям Иисуса, ожидание Царства Божьего и надежда на приход Спасителя в конце времен — это два различных аспекта эсхатологических чаяний, так что идея царства Божьего и идея Сына Человеческого у него не смешиваются^[141]. Иисус, как и раввины, считал, что наступление Царства Небесного целиком предопределяется решением Бога, однако, согласно Иисусу, оно уже сейчас начинает претворяться в жизнь среди людей на земле. Уже сейчас отдельные люди живут в Царстве Божьем. Человек может и должен содействовать воплощению в жизнь идеи Царства: Вернитесь к Богу, ибо Царство Небесное близко (Мф 4:17).

Первый, кто в Новое время связывал проповедь о Царстве Божьем с эсхатологической направленностью Иисусова провозвестия, был Герман Замуэль Реймарус (1694–1768). Фрагменты сочинения Реймаруса, как известно, были изданы Лессингом. Основываясь на этих фрагментах, Альберт Швейцер разработал свою концепцию «тотального эсхатологизма»: «Образ мыслей Иисуса можно считать либо всецело эсхатологическим, либо всецело неэсхатологическим»^[142]. Однако сам Реймарус, вероятно, с этим не согласился бы. В окончательном варианте своего сочинения, которое было полностью опубликовано лишь недавно^{[2][143]}, он проводит различие между неэсхатологическим, моральным призывом Иисуса к покаянию и его главным замыслом — «установить Царство»^[144]. Однако «эсхатологическое» направление современных реконструкций образа Иисуса идет по другому пути. Безрезультатным осталось предостережение замечательного человека, христианина и религиозного социалиста Леонгарда Рагаца: «Совершенно невозможно себе представить, что Иисус, так сказать, из надежды на скорый приход Царства Божьего построил этику и богословие. Нечто в этом роде, вероятно, произошло в кабинетах богословов и философов... Соотношение получилось в точности обратным тому соотношению, которое рассматривается исследователями эсхатологии. Понимание Иисусом Бога и человека... вовсе не определялось его эсхатологическими надеждами; напротив, его понимание Бога и человека определяло его эсхатологические ожидания... Нужно было надеть профессорские очки, чтобы уж совсем ничего не видеть»^[145].

Если у Швейцера мы еще встречаем мучительное переживание истины, то у более поздних сторонников эсхатологической теории часто речь идет о безответственном восхищении панэсхатологизмом, который они к тому же сами и приписывают Иисусу. Истолковав все слова Иисуса исключительно в эсхатологическом смысле, причем эсхатология понимается как «экзистенциальная», т. е. иллюзорная, они приходят к выводу, что обращенные к человеку требования Иисуса не накладывают на него никаких моральных обязательств. Один специалист по Новому Завету сказал, что

подставлять другому щеку допустимо лишь потому, что на это существует «мессианская лицензия», — иначе такое действие можно было бы расценивать как подрывную деятельность. Что ж, это верно. Ведь проповедь Иисуса действительно носила характер подрывной деятельности, и он сам осознавал это.

И раввины, и Иисус считали, что Царство Божье уже здесь и все-таки оно еще только придет. Однако между

Иисусом и раввинами было и определенное различие во взглядах. Когда Иисуса спросили, когда же придет Царство Божье, он ответил: Царство Божье приходит внезапно. Про него не скажешь: «Оно здесь» или «Оно там», ибо Царство Божье находится среди вас (Лк 17:20–21). Отдельные люди — уже в Царстве Небесном, но не потому, что это — всегда открытая возможность, как у раввинов, а потому, что начиная с определенного момента Царство пробивает себе дорогу на земле. Со дней Иоанна Крестителя и поныне Царство Небесное прорывается [в мир], и те, кто прорываются, овладевают им (Мф 11:12; см. выше с. 54сл).

Стало быть, у Иисуса речь идет о «постепенно реализующейся эсхатологии»^[146]. Иисус — единственный из известных нам евреев того времени, кто объявил не только то, что человечество стоит на пороге конца времен, но также и то, что новое время — время Спасения — уже пришло^[147]. Это новое время начинается с Иоанна Крестителя. Прорыв Царства Божьего означает также его распространение среди людей. Царство Небесное — как дрожжи. Женщина взяла горстку дрожжей на целых три меры муки — и получилось тесто (Мф 13:33); ср. логию Иисуса о соли земли и свете миру (Мф 5:13–16). Иисус говорил и о том, как вырастает Царство Небес: Царство Небесное похоже на горчичное семечко, которое человек посадил на своём поле, а оно выросло в целое дерево, в чьих ветвях укрываются птицы (ср. Лк 13:18–19).

Подобный образ есть в ессейской Книге Гимнов^[148]. Автор гимнов сравнивает общину с деревом: «У пышной его листвы будут пастись все лесные звери... его ветви — для всякой птицы. Но вознесутся над ним все деревья при водах». «Деревья при водах» — это символ нечестивого мира. Само дерево жизни скрыто: «незамеченной и неузнанной пребывает печать его тайны». Сам Бог укрыл Свою тайну, так что посторонний «смотрит, ие узнавая, и размышляет, не веря в источник жизни». Это напоминает слова Иисуса: Вам дано знать тайны Царства Небесного, а им не дано (Мф 13:11–15). Гораздо важнее, однако, сходство между притчей о горчичном семечке и ессейским символом общины. Для Иисуса Царство Небесное не только господство Бога в последние времена, которое уже сейчас начинает проникать в мир, но также отвечающее божественной воле движение, которое распространяется среди людей на земле. Оно не только (как обычно в иудаизме) царственная власть Бога, но также и Его империя: территория, которая разрастается и охватывает все больше и больше

людей, куда можно прийти и получить там свое наследство, на которой существуют большие и малые. Поэтому Иисус призывает Двенадцать, чтобы они стали ловцами людей^[149], сами исцеляли людей и возвещали им: Царство Небесное уже близко (Мф 10:5-16). Он требовал от своих приверженцев оставить все и следовать за ним. Мы не утверждаем, что Иисус хотел основать Церковь или хотя бы общину. Но создать сообщество последователей он, определенно, хотел.

Для тех, кто слышал Весть о Царстве и откликнулся на нее, сбывалось то, ради чего Иисус считал себя посланным. В этом Царстве станет зримой безусловная любовь Бога ко всем и границы между праведниками и грешниками будут стерты. Престиж среди людей превратится в ничто. Последние станут первыми, а первые — последними. Бедные и голодные, кроткие, плачущие и гонимые обретут Царство Небесное. Однако в Иисусовом евангелии Царства решающим было не изменение всех социальных рангов на противоположные: переворот Иисуса состоял в упразднении всех традиционных моральных ценностей. Его обещания относятся прежде всего к грешникам: Истинно говорю вам: скорее откупщики и проститутки войдут в Царство Божье, чем вы (Мф 21:31–32). Проповедь Иисуса находит отклик среди отверженных, среди тех, кого общество презирало. Так было, по его словам, и с Иоанном Крестителем: откупщики и проститутки поверили ему.

Евангелие Царства определяло, должно быть, и неэсхатологическое моральное учение Иисуса^[150]. Так как Сатана и его духи с приходом этого Царства будут лишены власти, а существующий мировой порядок будет разрушен, то и относиться к таковому следует с известным безразличием и уж, во всяком случае, его не нужно укреплять, оказывая ему сопротивление. Поэтому-то и не следует отвечать злом на зло, необходимо любить врагов и не объявлять войну Римской империи. Ведь со дней Иоанна — с прорывом Царства Божьего — на все это можно смотреть как на нечто мимолетное, преходящее.

Сын

Иисус появляется в евангелиях как чудотворец. Из раввинистической литературы мы знаем о четырех таких чудотворцах, действовавших еще до разрушения второго Храма. Два из них^[151] были галилеянами. Случайно сохранилось предание о крайней бедности именно этих двоих. Один из них — абба Хилкия — был батраком^[152]. Когда к нему были посланы однажды два книжника^[153], чтобы просить его помолиться о дожде, он держал себя с ними прямо-таки странно. Вероятно, отчасти это объясняется непростыми взаимоотношениями между чудотворцем и книжниками. Второй галилеянин, рабби Ханина бар Доса, принадлежал к следующему за Иисусом поколению и был знаменит чудесными исцелениями. О нем небесный голос сказал:

«Весь мир Я насыщаю ради Моего сына Ханины, а Мой сын Ханина довольствуется несколькими горстями рожков от субботы до субботы»^[154].

Небесный голос называет рабби Ханину сыном не случайно: чудотворец ближе к Богу, чем кто бы то ни было. Когда Ханина вылечил с помощью молитвы сына рабби Иоханана бен Заккая^[155], жена книжника спросила: «Разве Ханина больше, чем ты?» Иоханан ответил: «Нет, но он как слуга перед царем, а я — как князь перед царем».

Нечто подобное мы узнаем о Хони «кругочертителе»^[156], который умер весной [65 г]. до н. э. Однажды, когда он молился о том, чтобы пошел дождь, он начертил круг, встал в его середину и сказал: «Владыка мира! Твои дети обратились ко мне, потому что я у Тебя как домочадец. Клянусь Твоим великим именем, что я не двинусь отсюда, пока Ты не сжалишься над Своими детьми». Когда дождь наконец пошел, тогдашний глава фарисеев Шимеон бен Шетах стал порицать Хони за дерзкое поведение: «Если бы ты не был Хони, я бы объявил тебя отлученным. Но что я могу тебе сделать? Когда ты привередничаешь перед Богом, Он выполняет твою волю, подобно тому как отец выполняет волю своего капризного сына. Если сын ему говорит: „Отец [абба], искупай меня в теплой воде или полей меня холодной водой, дай мне орехов, миндаля, абрикосов, гранатов“, — он все это делает». Близкий к Богу чудотворец — словно Его домочадец, словно Его сын.

Хони погиб во время вооруженного конфликта между двумя сыновьями Александра Янная, Аристобулом и Гирканом. Иосиф Флавий^[157] рассказывает, что Хони, «видя эту жестокую распрю, скрывался», но его доставили в лагерь Гиркана, чтобы он проклял осажденного в Иерусалиме Аристобула и его приверженцев. Так как Хони отказался выполнить такую просьбу, он был убит. Как справедливо заметил средневековый еврейский автор^[158], Иосиф дополнил устное предание о смерти Хони, не поняв его. Потому-то он в своей книге и не приводит мотивов, по которым Хони скрывался. Очевидно, Хони прятался не из-за страха перед войной, но по обычаю благочестивых чудотворцев: он был скрытым праведником, каким позднее стал Ханан Сокровенный. «Когда мир нуждался в дожде, книжники обычно посылали к Ханану мальчишек-учеников, которые хватили его за края одежды и кричали: „Папочка, папочка (абба, абба^[159]), дай нам дождь!“ А он говорил Богу: „Владыка мира, сделай это ради тех, кто не понимает разницы между Отцом (аббой), который дает дождь, и аббой, который дождя дать не может“. Почему его называли Ханан Сокровенный? Потому что он имел обыкновение прятаться»^[160].

Итак, мы видим, что в то время существовала известная сдержанность в отношениях между чудотворцами-хазматиками и ученым сословием. Нет ничего удивительного и в том, что такие святые-чудотворцы обычно были бедны (в силу обстоятельств или принятого решения). То, что эти святые совершали чудеса втайне, — неотъемлемая особенность людей такого типа. Все это, говоря по-человечески, справедливо и в отношении Иисуса. Рассказывают, будто он также скрывался от толпы и запрещал своим выздоровевшим пациентам делать их исцеление достоянием гласности.

Очевидно, что, кроме всего прочего, он не хотел до конца раскрывать тайну своего божественного избрания.

Как мы уже знаем, о трех из четырех чудотворцев периода второго Храма рассказывается, что их отношение к Богу было отношением сына к Отцу. Самый старший из них, Хони, просит Бога так, словно он Его домочадец: его сравнивают с сыном, который имеет привычку капризничать в присутствии отца. Ханина чувствует себя перед Богом наподобие Его личного слуги, а небесный голос обращается к нему: «Мой сын». Ханан Сокровенный, которому мальчики-школьники кричали: «Абба, абба!», в молитве называл Бога «Отцом, который дает дождь». Иначе и быть не могло: если такой святой человек относился к Богу, как сын к отцу, то он и называл его Отцом (Аббой). Именно так обстояло дело с Иисусом. Религиозные, одержимые духом люди убеждаются на опыте, что их связь с Богом теснее и сильнее, чем у других людей. У Иисуса эта убежденность проявлялась, несомненно, более явно, чем у других харизматиков. Иисус синоптических евангелий проводит различие между Богом — Отцом всех верующих и Богом — своим собственным Отцом. Он говорит о Боге, «вашем Отце», и говорит о Боге, «моем Отце». («Отче наш» не является исключением: обращением «Отец наш небесный...» начинается молитва, сформулированная для других.)

В случае Иисуса его отношение к Богу как сына к отцу предполагает большую к Нему близость, чем близость чудотворцев. Для Иисуса это его отношение — следствие избрания, возвещенного небесным голосом во время крещения. Он, словно сын, знает своего Небесного Отца: Благодарю Тебя, Отец, Владыка неба и земли, за то, что Ты это скрыл от мудрых и разумных и открыл простодушным. Да, Отец, такова была Твоя благая воля! Все мне вверено моим Отцом. Никто не знает^[161], кто Сын, кроме Отца, и кто Отец, кроме Сына и того, кому Сын пожелает открыть (Мф 11:25–27).

До кумранских находок у нас не было примеров из древнего иудаизма столь сильной в себе уверенности. Но теперь мы знаем: вырвавшийся у Иисуса возглас ликования имеет аналоги в есеевской Книге Гимнов. Благодарение Иисуса начинается теми же самыми словами, что и большинство молитв в Книге Гимнов, и приближается к ним по своей ритмической структуре. Есеевский автор, подобно Иисусу, говорит, что он стал «мудростью для «простодушных»^[162]. Здесь мудрость, как и у Иисуса, Это знание о тайнах Бога:

Через меня Ты просветил лицо многих, показал Твою силу бесчисленное число раз: Ты открыл мне Свои чудесные тайны, укрепил меня Своим сокровенным чудом, совершил чудеса перед многими ради славы Твоей, чтобы возвестить всем живым о Своем могуществе.

(Гимны IV, 27–29)

В этих словах раскрывается исполненное откровениями сознание харизматика, который имеет доступ к божественным тайнам: зная их, он «просвещает лицо многих».

Согласно евангелиям, небесный голос называет Иисуса «сыном» уже при крещении, но существует обоснованное предположение, что Иисус тогда был назван только избранным слугой Бога^[163]. Лишь в сцене Преображения голос действительно назвал его сыном. Об этом рассказывается так. Иисус, взяв с собой Петра, Иоанна и Иакова, поднялся на гору. Там его вид изменился, одежда стала ослепительно белой, и говорили с ним Моисей и Илия. А когда те удалились, Петр сказал Иисусу: «Рабби, как хорошо нам здесь! Давай мы сделаем три шалаша — один тебе, один Моисею и один Илию». Тогда появилось облако и покрыло их своей тенью, а из облака раздался голос: «Это — Мой единственный^[164] сын, его слушайте!» И Иисус остался один (ср. Лк 9:28–36).

Э. Майер^[165] считал видение подлинным. Важен здесь небесный голос. Слова «его слушайте» становятся понятными, если вспомнить речение Моисея: «Господь, ваш Бог, даст вам пророка, подобного мне — это будет один из вас. Его и слушайте!» (Втор 18:15). Явление двух великих пророков древности, Моисея и Илию, также подчеркивает смысл сказанного голосом с Неба: Иисус — пророк-провозвестник, на которого указывает уже еврейская Библия. Кроме того, голос называет Иисуса единственным сыном, подобно тому как Бог говорил Аврааму: «Возьми своего сына — единственного, любимого — Исаака... и принеси его в жертву всежожения» (Быт 22:2). Эта аналогия — намек на будущее мученичество Иисуса. Лука (9:31) даже прямо указывает, что во время Преображения Моисей и Илия «говорили о его будущей кончине в Иерусалиме».

Сознание своего сыновства, убежденность в своем призвании пророка-провозвестника и предчувствие своего трагического конца Иисус соединяет в притче о злых виноградарях (ср. Лк 20:9-19). Он рассказал ее в храме в присутствии первосвященников незадолго до своего конца. Хозяин виноградника послал слугу к виноградарям, чтобы получить свой доход с виноградника. Но виноградары, избив его, отправили ни с чем. Тогда послал он другого слугу. И того, избив, с позором прогнали, не дав ничего. Он снова послал — уже третьего слугу. Того изранили и вышвырнули вон. В конце концов он отправил к ним сына, подумав, что уж сына-то они постыдятся. Но виноградары, увидев сына, стали говорить друг другу: «Это наследник! Давайте убьем его и завладеем наследством!» И, выбросив его из Виноградника, убили. Что же сделает с ними хозяин виноградника? Он придет и предаст тех виноградарей смерти, и виноградник отдаст другим. И они хотели его схватить, Так как поняли, что эта притча направлена против них, но побоялись народа.

Итак, мы — в самом центре конфликта между Иисусом и саддукейской храмовой аристократией, который приведет его к смерти. Первосвященники правильно поняли

Притчу: они — злые виноградари, которые, используя свое положение в культе, монополизировали власть над народом Бога (ведь виноградник — это народ Израиля^[166]); но они погибнут, и Бог отдаст виноградник другим. Так действительно и произошло после разрушения Храма, когда священническое сословие навсегда исчезло. Слуги, которые посылались к виноградарям, это пророки, вестники Бога: их преследовали и убивали. К ним относится и сын — Иисус. Существует еврейская притча^[167] о землевладельце и его злых и вороватых арендаторах.

Хозяин отнял у них свои владения и передал их сыновьям арендаторов, но те оказались еще хуже своих отцов. Тем временем у хозяина родился сын. Тогда он прогнал арендаторов и поставил над своими владениями сына. Иисус рассказал аналогичную притчу, но на этот раз она была с трагическим концом.

Таким образом, положение сына ведет Иисуса не к жизни, а к смерти. Так до него погибали некоторые пророки. После Преображения сознание божественного сыновства соединилось у Иисуса с догадкой, что он должен погибнуть. Значит, свою трагическую судьбу он предчувствовал еще до прихода в Иерусалим. Однако сознание сыновства у Иисуса не тождественно его мессианскому сознанию. Тогдашнему иудаизму образ мученика как искупительной жертвы был неведом. Однако потребовался весьма тщательный филологический анализ текста, чтобы прийти к освобождающему выводу: Иисус не собирался погибнуть, чтобы своими кратковременными страданиями искупить грехи людей. И он вовсе не считал себя страдающим слугой Бога и примирителем из Исайи. Такое понимание появилось в ранней церкви впоследствии, уже после распятия^[168]. Иисус не создавал сценария своей смерти по древним текстам, чтобы потом его разыграть. Он до самого конца боролся с самим собой за свою смерть.